

БОРИС ЛИЗНЁВ

кинорежиссёр

МИФИЧЕСКОЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ В ЖИЗНИ И НА ЭКРАНЕ

Как правило, мы рассуждаем о мифе как о некоем вымысле, о чем-то фантастическом и нереальном. “Это типичный миф, а не правда”, говорим мы, или “стоило ли сражаться за мифические идеалы...”. Миф, считаем мы, это то, что не существует в действительности. Но это не совсем верно, а точнее, это не верно совсем...

Еще в 30-е годы XX века известный русский философ Алексей Федорович Лосев в работе “Диалектика мифа” убедительно доказал, что миф – не есть вымысел, а есть подлинная и максимально конкретная реальность. “Миф, – писал Лосев, – это необходимая категория мысли и жизни, и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность”.

Да, это действительность... Но какая? Миф – это бытие духа. Это сверхжизнь. Миф делает общество жизнеспособным. В мифе в концентрированном виде выражен идеал этого общества. Миф заряжает народ энергией, заставляет его совершать сверхусилие, мобилизует на решение больших задач. Миф наделяет жизнь человека полнотой и смыслом. Именно люди с мифическим сознанием имеют высокую цель в жизни. Миф – не история, он направлен в будущее. Миф – не памятник, это всегда акт творения. Общество без мифологии, то есть без системы органично выстроенных мифов, есть общество рутинное и загнивающее, мещанское и вырожденческое.

В качестве примера рассмотрим мифологию советского общества. Здесь все необычайно стройно и иерархично, начиная с главного мифа (коммунизма – общества равенства и справедливости) и кончая всеми остальными мифами – союза рабочих и крестьян, дружбы народов, общенародной собственности, культа знаний и высокой морали. Советское общество, с “героями” и “антигероями”, со своими праздниками и горестями, необычайно цельно и органично. И неужели все эти фантастические рывки: строительство тысяч заводов и фабрик, освоение гигантских территорий, победа в самой кровавой в истории войне, спасение мира от ядерной угрозы, прорыв в космос – неужели все это случайно? Критики утверждают, что все это произошло не благодаря, а вопреки. А войну выиграли лишь потому, что “трусами закидали врага...” Побойтесь Бога! Победили люди вдохновенные, заряженные мощным мифическим сознанием. Миф побуждает человека к жертве, а жертвенность – качество свободного человека. Рабы никогда не побеждают, побеждают, как писал Платонов, “одухотворенные люди”.

Советскую мифологию создавали большие художники. Вспомним Эйзенштейна с его “Броненосцем”, “Стачкой” и “Октябрем”, или Маяковского с его новым авангардно-метафорическим стилем, или кинодокументалистов с их эпическим осмыслением жизни советских людей. Революционный миф, созданный Эйзенштейном, был так совершенен, что вне его и сейчас трудно представить эпоху, а многие кадры из этих фильмов перекочевали в “хронику”. Не случайно, боясь заложенной в фильмах Эйзенштейна энергии, их не показало телевидение даже к 100-летию великого режиссера.

Вторая мировая война – это состязание не только военных машин и экономик, это столкновение противоборствующих смыслов и мифов. Мифологию “Третьего рейха” также создавали кинематографисты. Вспомните фильм Лины Рифеншталь “Триумф воли”. Своим мастерством и скрытой в нем силой фильм поражает и сейчас. Миф выражен максимально. Духовно Германия победила задолго до того, как прозвучали первые выстрелы. Противостоят этой зверино-окультурной мощи смог только советский миф.

А есть ли в нашем обществе сегодня мифическое сознание? Увы, мифа, объединяющего и консолидирующего людей, нет. Не случайны эти призывы найти национальную идею. Очевидно, что мифического импульса сверху нам не дожидаться, а прозвучавшие рассуждения о “конкурентоспособности” лишены смысла: форма не может быть содержанием, а инструментарий никогда не заменит цели и идеалы. Чем-то нужно жить!

Вся нынешняя реформаторская идеология построена на критике и дискредитации советского мифа. Все телевидение сидит на игле разоблачения. Возьмите документальные фильмы, казалось, самого нейтрального канала “Культура”. О чем бы ни снимались фильмы: портреты поэтов, художников, писателей – все только в контексте “героической борьбы с тоталитарной системой”. Все фильмы сделаны словно под копирку: одно и то же драматургическое клише, одни и те же средства, один и тот же диктор. Диву даешься, когда видишь, что даже поэт Виктор Боков (я уже не говорю о Пастернаке и Ахматовой) и режиссер Леонид Гайдай только и делали, что сражались с ненавистой системой.

“Конвейерный” метод создания фильмов приводит к казусам. Только вчера смотрел документальный фильм о “золотом запасе России”, где авторы, каждый раз говоря об атамане Семенове, с завидным упорством показывают фотографию барона фон Унгерна. В этих фильмах кто-то отбирает материал в архивах, кто-то монтирует, кто-то подгоняет звук, кто-то сочиняет текст... Загадочна в “конвейерных” фильмах лишь роль режиссера!

Образ ГУЛАГа – главный миф, объединяющий перестроечную интеллигенцию. Из всего XX века взят один, 60-летней давности и вырванный из контекста эпохи, драматический эпизод нашей истории и превращен в главный образ, чуть ли не в “символ веры”. Внедрение в общественное сознание мифа о ГУЛАГе, об СССР как стране-лагере, о “совках” как рабах системы, 20-летнее пережевывание и смакование этого мифа носило деструктивный характер и в итоге разрушило страну. Поэтому это даже скорее не миф, а главный “антимиф” нашего времени. Сейчас обижаются на Ющенко за то, что он “голодомором” разрушает дружбу русского и украинского народов, забывая при этом, что у него были хорошие учителя – наши летописцы ГУЛАГа, подготовившие распад страны.

Но антимиф требует постоянной подпитки, поэтому число жертв ГУЛАГа ежегодно растет: начали с 500 тысяч человек, сейчас, оказывается, репрессированы были уже около 90 миллионов. А это, между прочим, все мужское население страны. Кто же тогда воевал и работал на заводах? Антимиф о ГУЛАГе – это тот кусок, который бросила власть страждущей интеллигенции. Нате! – и только не думайте о чем-нибудь серьезном, нате – создавайте дымовую завесу, маскирующую беспредел. Критикам же сегодняшнего времени всегда можно заткнуть рты: “Чем вы недовольны? Вам что, опять захотелось за колючую проволоку?”

Сейчас принято доказывать свою лояльность, присягать на верность антимифу. Если, конечно, хочешь работать в кино. Вокруг антимифа крутятся свои летописцы и идеологи, рядовые и генералы. Поразительно, но “апостолами ГУЛАГа” стали дети тех, кто в свое время воспевал советский миф: Симонов, Смирнов, Герман. Отцов они своих любят, а “Совдепию” ненавидят, очевидно, еще и за то, что она награждала, премировала, назначала на вы-

сокие должности их отцов. Странно, но сейчас, когда миллионы людей потеряли работу, когда разрушаются семьи, когда горе человеческое буквально разлито по городам и весям, эти “лжемученики” вещают с экрана, что одному что-то там недодали, на другого не так посмотрели, третьему что-то неучтиво заметили – вот уж, действительно, страдальцы! Тогда, 20 лет назад, интеллигенция, по-моему, выбрала слишком легкий путь: ничего не предложив обществу, она встала на путь разрушения. А ведь к середине 80-х уже были напечатаны все труды русских философов, но они до сих пор даже не прочитаны! Некогда было, так как заново переписывалась и история страны, и история кино.

Теперь считают, что фильм “Волга-Волга” – типичная киносказка и к жизни не имеет никакого отношения. Действительно, какой может быть взрыв народного творчества, если кругом мрак и колючая проволока. Вот “зековские” мотивы, “приблатненное” пение – будет “самое то...”. Но я вспоминаю работу над своим первым фильмом в деревне Давыдково Нижегородской области в 1989 году. Фильм был игровой, но все роли играли местные жители. Я был удивлен, как у них все легко получалось. Потом старушки показали мне свои фотоальбомы, где на фотографиях они запечатлены в различных ролях из пьес русских классиков. Оказывается, у них в деревне в 30–40 годах был свой народный театр, и они переиграли всего Островского. Потом узнал, что в соседнем селе тоже был свой театр! Я спрашиваю у своей матери, и она мне рассказывает про свой театр при сельском клубе. Это уже на Тамбовщине. Наконец узнаю, что мой дядя в 30-е годы ездил из своей деревни в Москву на конкурс чтецов. Вот вам и неправда!

Сколько грязи было вылито на пырьевских “Кубанских казаков” за ощущение радости и счастья, излучаемое каждым кадром этого фильма. Я вспоминаю свое детство и то, как женщины с песнями ехали на работу в поле, с песнями же и возвращались. Помню, как мы, мальчишки, были счастливы от того, что нас допускали “скирдовать” или работать на току. Ну а те, кто были штурвальными на комбайнах, вообще казались героями. Вспоминаю вечеринки молодых парней и девушек с песнями и частушками, с плясками и самоваром, с каким-то чистым и неподражаемым юмором. В том мире не было ни цинизма, ни пошлости, ни бомжей, ни воровства – все это, как вы понимаете, стало “завоеванием” уже другого времени...

Дискредитированы в общественном сознании и герои советской эпохи. Вспомним, как перестроечная интеллигенция млела от анекдота про Павлика Морозова, который “отца предал”. Потом анекдот стал идеологической догмой, а затем и любимым образом нашего телевидения. Совсем недавно в каком-то сериале о пионерлагере один из персонажей, глядя на гипсовую фигурку Павлика Морозова, зло шипит: “Что, доволен, душегуб?..” Фантастика! Жертву, мученика называют душегубом. Но, видно, для дискредитации столь ненавистного мифа все средства хороши. Так чего же стоят все эти стоны интеллигенции о “слезинке ребенка” – любимом образе, взятом у Достоевского. Убили Павлика Морозова не за мнимое предательство отца, а за то, что не снял с себя пионерский галстук. Он – мученик за веру. Но это трудно понять захаровым и сокуровым, вовремя спалившим и побросавшим свои партийные билеты.

Правда, и сейчас, особенно когда “жареный петух” клонет, может еще пригодиться советский миф. Вспомните трагедию Беслана. Два дня, когда ситуация была критическая, по всем каналам телевидения показывали только советские фильмы. Показали все: от “Александра Невского” до “Они сражались за Родину” и “А зори здесь тихие”. Даже “Калину красную”, и ту показали. Перестроечных фильмов не было. За 20 лет, оказывается, не снято ни одного духоподъемного фильма – ни одного! Но как только террористов уничтожили, с экрана вновь полилось “развлекалово”: Ксюша Собчак, бездельники из “Дома-2” и т. д.

Ну а есть ли в сегодняшнем мире что-то утверждающее? Здесь следует отметить, что у нас сейчас в России две страны, два общества, два мира и, стало быть, два мифа.

Первый – это мир столиц и элиты общества со своей “правдой” и системой ценностей. Телевидение обслуживает этот мир. Моя тетка из деревни Малые Кулики как-то со скрытым юмором заметила: “Хорошие люди и сейчас живут неплохо...” На Ленинском проспекте в Москве долго висел огромный

рекламный щит: “Хорошая мебель для хороших людей”. Я спросил у студентов: “Хорошие люди – это какие?” Удивившись моей неосведомленности, студенты сказали: “Ну как же, Борис Александрович, “хорошие” – это значит богатые...”. Так вот, этот первый мир – мир “хороших” людей – 5% от всего общества, своеобразный “золотой миллион”. Их идеал в философии социал-дарвинизма: сильный всегда побеждает слабого, а счастливый человек – это успешный человек.

Причем успех достигается любой ценой. Твой ближний – не товарищ и брат, а неизменно твой конкурент, и если ему стало лучше, то тебе хуже... Несправедливость, неравноправие, разделение на “хороших” и нищих – для них это совсем неплохо. В этом видится целесообразность, стимул для развития, мудрый закон жизни. Тысячи фильмов и телепередач служат утверждению этого мифа. Людям же из глубинки, сидящим у телевизора, подмигивают с экрана: “Нет, это не сказка, если будете стараться, и у вас будет шанс попасть в мир “хороших” людей. Конечно, миллионерами и звездами шоу-бизнеса вы не станете, но, может быть, ваши дети или внуки станут элитными “путанами” или охранниками в престижных фирмах. А если повезет, то попадут в криминальные структуры, что является составной частью того же мира”.

Но есть и другой мир. Это жизнь провинции, где по-прежнему люди ориентированы на традиционные нравственные ценности. Это и есть подлинная Россия. Она никак не связана с миром “хороших” людей и почти не представлена на кино- и телеэкране. В нынешних условиях жизнь людей из глубинки можно назвать подвижнической, а как выразился Лосев, подвижническая жизнь всегда мифична. В основе мифа всегда подвиг. И главным подвигом людей из глубинки, несмотря на все усилия мира “хороших” людей, является их неизменяемость. Народ готов всё вытерпеть, но отказаться от своего менталитета, от своей судьбы он не хочет. У подлинной России своя история, свои герои. Например, мученик чеченского плена Евгений Родионов официально не признан ни властью, ни церковью, но давно уже прославлен народом. Как и бескорыстные защитники Дома Советов, расстрелянные “ельцинской кликой” 4 октября 1993 года. Мифология сопротивления власти “золотого тельца” творится на наших глазах.

Хорошо представлен народный миф в фильмах документалиста из Сибири Юрия Шиллера. Люди в его фильмах, может быть, слегка наивные и не понимают “главного направления века”, но живут по совести, веря в справедливость и исповедуя христианские ценности. При этом они – всегда живые люди, а не схемы. Мифология фильмов Шиллера обусловлена столетиями складывающейся традиции народной жизни.

То же самое можно сказать о фильмах Вячеслава Орехова. Мифична жизнь его героев. Тема покаяния в его небольшом фильме “Очарованный странник” осмыслена задолго до нашумевшего игрового фильма “Остров”. Герой другого фильма Орехова “Выходил один я на дорогу” уезжает из шумной столицы в деревню и обретает там душевное равновесие.

Нравственный подвиг совершает герой фильма Сергея Роженцева “Алтайская повесть”, восстанавливая на свои средства часовню в далеком сибирском поселке. Уход из мегаполисов на землю части нашей интеллигенции – явление знаковое. Нам нужно сделать окончательный выбор: либо, преодолев “гулаговскую” идеологию разрушения, соединиться с исторической Россией и начать процесс возрождения, либо продолжать идти по легкому пути циничного отрицания нашего прошлого и сделаться могильщиками великой страны.

Пока доминирует высокомерие избранных. Так, в недавнем интервью “Литературной газете” президент Сообщества профессиональных социологов Никита Покровский, рассуждая о бедственном положении сегодняшней деревни, говорит о ее ненужности и бесперспективности: “Прежняя заселенность там уже не нужна. Ранее распаханые территории тоже”. “Да и что может делать это вымирающее население, – восклицает доктор социологии, – пахать-сеять за бесценок, в 4 утра вставать корову доить, по пояс в грязи собирать в поле картошку – вот и всё. Они даже свои дома и приусадебные участки не могут окультурить”. Да, сначала объявили неперспективными отдельные деревни, потом районы, а теперь и весь народ...

“Зато у нас будут свободные экологически чистые зоны, – продолжает Покровский, – и это наш экономический, коммерческий ресурс”.

Что ж, нефть, газ, золото, хлеб – все это уже поделено, теперь пора торговать и чистым воздухом...

Но ведь не случайно наши предки осваивали эти бесконечные земли. Человек – “соль земли”, и так было попущено Богом, что через него она обожена. И потому нет неперспективных деревень. Любой поселок, любая деревня, любой домик на далеком Севере – всё перспективно и богоугодно... Потом не хватит никаких средств, чтобы вдохнуть в них жизнь...

Мы все смелые, когда речь идет о прошлом, но ведь гражданское мужество человека проявляется в том, как он ведет себя сейчас, в минуты наши роковые. Почему же мы кричим о жертвах коллективизации и голода 30-х годов и помалкиваем о геноциде и уничтожении деревни в 90-е годы? Именно тогда из деревни выгребли все до единого гвоздя, до единой нитки. Был ли хоть один канал на телевидении, который популяризировал жизнь на селе, рассказывал о его проблемах? Нет, только – “развлекалово” и “аморалово”.

Кстати, о честности художника. В свое время, на заре перестройки сильно прошумел документальный фильм Марины Голдовской “Архангельский мужик”. В фильме рассказывается, как трудится один крестьянин-единоличник в одном из районов Архангельской области. Его работа, доказывает автор, эффективнее деятельности всех тамошних колхозов и совхозов вместе взятых. Фильм использовали для дискредитации колхозно-совхозного строя. Но почему же Голдовская не сняла вторую серию фильма, не рассказала о том, что стало с “архангельским мужиком” уже в период дарованной свободы и столь долгожданных реформ? Почему не поведала о том, как разорился и надорвался ее герой (а заодно и его сын) уже в новое время, как отчаялся он и наложил на себя руки как раз в день расстрела Верховного Совета 4 октября 1993 года? Нет, это уже не отвечало их задачам! “Архангельский мужик” сделал свое дело – “архангельский мужик” может умереть...

Сейчас нам нужно, преодолевая “гулаговское” мировоззрение, обрести подлинное историческое сознание. Не должно быть в нашей истории пустых мест и неугодных периодов. Как писал Спиноза, задача исторического исследования не казнить или миловать, а понимать. Нам нужно понять собственную историю! Недавно ушедший от нас философ Александр Панарин ввел в общественную мысль такое понятие, как габитус. Это “капитал коллективной памяти”, “копилка коллективного опыта поколений”. Вне этого опыта невозможно никакое развитие. Это понимают и в Японии, и в Китае, и в Западной Европе. И только у нас отказались от своего исторического опыта. Все начали с нуля. А “из ничего и выйдет ничего”. Мы должны прочертить линию исторической преемственности, понять свою историческую роль, опереться на все положительное.

В Кисловодске есть казачья гимназия, где царит культ истории: стены расписаны историческими картинками прошлого, всюду портреты выдающихся деятелей, начиная с Рюрика и Олега Вещего. В гимназии несколько музеев: история России органично соединяется с историей края. Работают кружки народного пения, танцев, рукопашного боя, есть мастерские живописи и народных ремесел. Все пространство гимназии пронизано атмосферой высокой духовности.

Здесь нет и не может быть ни наркоманов, ни циников, ни “закомпьютеризированных” подростков. Почти все выпускники поступают в вузы. Но главное, они получают крепкий нравственный стержень, они готовы к жизни – их не собьют с пути ни соблазны, ни лицемерие сегодняшней жизни.

Нам нужно перестать заниматься романтизацией жизни уголовников и разложившейся элиты. Необходимо вновь приблизиться к жизни простого человека. Когда-то итальянский неореализм с его сочувствием и поддержкой человека из низов спас Италию от нравственного разложения. Наша западная интеллигенция дважды за XX век подготовила слом государственной машины, дважды осуществила ревизию идеалов общества: сначала разрушила христианский миф, а затем и миф коммунистический. И теперь, мне кажется, интеллигенция должна, искупая свой грех разрушения, совершить нравственное сверхусилие и встать на путь подвижничества и созидания. В глубоком осмыслении нашего горького и великого исторического опыта должен родиться новый миф, который не будет высокомерен к нашим пращурам, но будет готов ответить на вызовы нового времени.